

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н.ВАРЛАМОВА

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет

В сб.: Грехнёвские чтения. Сб. научн. трудов. Вып. 2. Нижний Новгород, 2005. С. 118-126.

В русской литературе 2-й половины XX века сложились две противостоящие друг другу концепции личности, связанные с двумя разными типами нравственно-эстетического идеала. Одна из них отчетливо выразилась в "Докторе Живаго" Б.Пастернака, в "Архипелаге ГУЛАГ" А.Солженицына, в произведениях либерального "новомировского" литературного потока 60-80-х гг. Суть ее составляет идея самоценности личности, существующей автономно от общества и ничем не обязанной народу, нации, обществу, государству. Личность сама есть абсолютная ценность. В идеальном мире Б.Пастернака "нет народов, есть личности" – так выразил он эту идею устами своего любимого героя Юрия Живаго. Другая концепция в те же годы нашла выражение в "Русском лесе" Л.Леонова, в "Судьбе человека" М.Шолохова, а затем была поддержана в 60-80-е гг. "почвенническим" литературным направлением: "деревенской прозой" и "тихой лирикой". В ней человек мыслится как родовое существо: он осуществляет себя как личность в неразрывном единстве с природой, народом, нацией, родной землей и страной, ощущая себя, как Поля Вихрова у Леонова, "хвоинкой" русского "человеческого леса". Это мировосприятие ярко выражено в лирике Н.Рубцова:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Обе эти концепции личности, в принципе, сохранились в общественном сознании, в литературе до наших дней. А.Н.Варламов по своим социально-политическим взглядам, выраженным в его *публицистике*, например, в постоянных "колонках" в "Литературной газете", без сомнения, стоит ближе к первой из них, однако в его *художественном* творчестве все отнюдь не так "однозначно": в нем проявляется явная эволюция этих взглядов, которую можно проследить уже в его первых произведениях: повести "Рождение" и романе "Лох", а также в романе "Затонувший ковчег".

"Рождение" и "Лох" были опубликованы в 1995 г. и создавались, по видимому, почти одновременно, однако концепция личности и общества, разработка темы человека и родины в них во многом разная, хотя есть и общие моменты.

В обоих произведениях делается акцент на том, что Россия начала 90-х гг. – это страна, где люди не живут, а с трудом выживают. В "Рождении" нарисована ужасающая картина духовного и социально-экономического кризиса: врачи равнодушны к больным, больницы прозябают в полной нищете; те, кто еще не утратил сочувствия к людям, работают не благодаря, а вопреки сложившимся условиям; люди готовы убивать друг друга (речь идет о 1993 г.), а потом легко забывают "о порохе и крови"¹. Автор пишет о ребенке, явившемся в мир в это время: "Он был просто один из десятков тысяч рождающихся в России детей, рождающихся вопреки нищете, братоубийству, грязи, лжи и грозным пророчествам о близящейся кончине мира". В повести выражается мысль о том, что современная российская действительность "противоречит идее рождения, <...> все более оказывается невозможным появление новой жизни" [Александров, 236].

В "Лохе" – та же картина постепенно разваливающейся и в конце концов развалившейся страны, где "звездочеты" превращаются в брокеров, где грязь как на улицах, так и в душах людей, где милиция не может защи-

тить даже ребенка. Человек мыслящий и чувствующий, философ, стремящийся постичь смысл жизни и не желающий становиться торгашом или брокером, воспринимается здесь как "лох". Из всего этого следует, что в такой стране просто нельзя жить достойно, если смотреть на вещи с точки зрения возможностей реализации личности. Именно к этой мысли приходит герой в "Рождении": "Мы просто вымираем,— подумал он, — у нас рождаются недоношенные, больные уже в утробе матери дети <...> это и есть наша судьба и наше предназначение среди других народов, где ни один уважающий себя человек не позволил бы, чтобы его ребенок находился в таких условиях... Я должен отсюда уехать и увезти их, жену и сына... В какую угодно страну, где я буду последним эмигрантом, где меня станут еще больше презирать и в грош не ставить, ...но остаться после всего этого я не смогу". Герой собирается уехать из России, чтобы его ребенок "вырос человеком". Осуществил ли он свой замысел — это осталось за пределами повести "Рождение", однако именно такой путь проходят оба главных героя романа "Лох".

Голдовский, не желающий быть "лохом" на родине, где, по его мнению, он обречен на прозябание и унижение, бросает любимую женщину и уезжает в Америку. "Все я знаю, и Россию, может быть, больше твоего люблю, потому что чувствую ее острее, но только в дерьме я больше жить не могу". Он едет в страну "великолепную и скучную", чтобы почувствовать себя свободным, многого добиться, а кроме того, он хочет, как и герой "Рождения", вырастить там детей, чтобы они жили "по-человечески". Но, что примечательно, Голдовский намерен воспитать из них "настоящих русских и тем самым хоть чуть-чуть отблагодарить Америку за гостеприимство путем улучшения ее породы". Он терпит все те лишения, которые предвидел герой повести "Рождение", но все же "выходит в люди" и тогда понимает, что все было зря, что ему нужно совсем не осуществление "американской мечты", а Россия, со всеми ее непривлекательными и даже от-

талкивающими чертами, и любимая женщина, оставленная ради женитьбы на американке и получения гражданства. В результате Голдовский бросает все, чего успел добиться за границей, и "бежит" оттуда. Со сверкающих огнями американских улиц он перемещается в нашу разоренную и грязную провинцию. О России он думает печально, но не жалеет о своем бегстве из блестящего, спокойного и стабильного мира: "Голдовский любил Россию. Он проклинал ее нищету, разбитые дороги, пьяные рожи опустившихся мужиков, но представить себя вне ее не мог". В душе полурусского Левы Голдовского есть нечто прямо-таки блоковское: *"Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне"*. Это и заставляет его вернуться в родную страну и именно здесь устраивать семейную жизнь и растить детей. Когда жена Голдовского Аня видит чистую и благополучную Германию и воспринимает по контрасту родную страну, то ей хочется, как когда-то ее мужу, уехать из России, причем в мотивации этого порыва снова, как и в "Рождении", главную роль играет забота о детях, об их перспективах. Но Голдовский ее не поддерживает, хотя и понимает. Он уже пытался идти таким путем и понял его бессмысленность. Его русская жена кричала о ненависти к России, "а он глядел на все мудрыми еврейскими глазами и думал, что не испытывает к своей земле ни капли ненависти и обиды. Скорее, его чувство было чувством сына по отношению к обанкротившемуся и спившемуся отцу – хочешь не хочешь, а если ты порядочный человек и уважаешь себя, то надо принимать наследство, из одних долгов состоящее, и эти долги платить". Герой повести "Рождение" был готов "платить долги", пока у него не было ребенка, а когда появился сын, он решил от этого "наследства" отказаться. Голдовский не отказывается. В его приведенных выше размышлениях чувствуется какая-то обреченность, предначертанность. Но когда Голдовский "бежал" из Америки, он сделал вполне свободный выбор, причем руководствуясь совсем не соображениями морального долга, а исключительно душевным импульсом.

Второй, и главный герой романа "Лох", Тёзкин, как и его друг, не видит вроде бы ничего привлекательного в современной российской действительности. Провожая Голдовского в Америку, он с тоской смотрит на своих соседей-пьяниц; приезжая из Купавны в родную Москву, он чувствует себя так, будто его загоняют в стойло. "Только теперь это стойло было разукрашено дорогими интеллигентским сердцам лозунгами о свободе и народовластии..." И все же за границу он едет не в поисках "места под солнцем", а исключительно из-за любовных переживаний. Как Голдовский познал "изнанку" американской жизни, так и Тёзкин увидел "другую Германию <...> насмешки и презрение работодателей, унижение и вражду, столь знакомые ему в родном Отечестве. Воистину, мир был слишком одинаков". Герой повести "Рождение" предвидел, что за границей его тоже ждет "второсортная жизнь"; герои "Лоха" убедились в этом на своем опыте, хотя им в конечном итоге все же повезло. Однако Тёзкин (а возможно, и Голдовский) вынес из своей поездки значительную и примечательную мысль: унижение, неравенство, несправедливость существуют не только у нас. Мужчина из "Рождения" хотел "эвакуироваться" из нашего погибающего мира за границу, только чтобы там была нормальная жизнь у его ребенка, а Тёзкин ту же мысль, тот же мотив трансформирует в иной, более глобальный: он думает, что если бы у него был ребенок, то он бы взял его и "сбежал далеко-далеко, куда не добрались эти сволочи, старые или новые, он нашел бы это место на космических снимках и растил бы там свое дитя, не держал бы в доме ни одной газеты и ни одной современной книги..." То, что этот эмоциональный порыв невыполним в действительности, наверное, не требует комментариев. Спасение за границей оказывается иллюзорным, а "праведная земля" на "космических снимках" еще больший самообман. Есть ли спасение вообще?

Тёзкин, хорошо знающий все "прелести" российской действительности, все-таки и в благополучной Германии оставаться не хочет. Немецкий

профессор Фолькер спрашивает его, почему в России порядочные люди ни за что не могут бороться, а отдают власть ворам. Тёзкин же в ответ говорит: "Быть может, мы выродились как нация, может быть, прав был Чаадаев, и мы задуманы Богом, чтобы дать миру отрицательный урок, я не знаю. Но мне кажется, мы просто ушли вперед". – "Вперед? Ви не ошибся, Александер?" – "Нет, – покачал головой Тёзкин. – Когда-нибудь вы нас догоните и поймае меня".

Точно так же деловому и преуспевающему Голдовскому порой кажется, что неудачник и "лох" Тёзкин "обошел его на вираже". В чем причина – это ни в том, ни в другом случае не объясняется: пожалуй, какое-либо логическое объяснение было бы навязчивым и неестественным. "Моя жизнь была не самой удачной, говорит Тёзкин немцу, – но все равно я с ужасом думаю, что было бы, если б моя жизнь прошла не в России, а в вашей чудесной, милой стране". С точки зрения личного благополучия это нелогично, но у Тёзкина несколько иные приоритеты: он чувствует кровную связь с людьми, природой, историей своей страны: "Тёзкин подумал, что его отец, эта девушка (случайная попутчица – О.С.), старухи в церкви, священник – эти люди образуют единое целое, они связаны между собою, и больше всего на свете он боялся бы выпасть и эту связь с ними разорвать". Когда священник говорит Тёзкину, что настанут последние времена и теперь важно попасть в круг "чистых", души которых спасутся, то Тёзкин думает, "что не хочет, не дает себе права идти в эту ограду, если за ней останется столько людей, что он предпочтет остаться с ними". Здесь есть почти прямая "цитата" из "Легенды о великом инквизиторе" Достоевского, герой которой понял, что "невелико нравственное блаженство достичь совершенства..., с тем чтобы убедиться, что остальные миллионы существ божиих остались устроенными лишь в насмешку"².

В романе Леонова "Русский лес" есть мысль о том, что существование человека, народа, государства, природы подобно жизни леса (недаром

образ "русского леса" перерастает у него в метафору "человеческого леса"): все в истории и мироздании подчинено одному и тому же принципу "биогеофитоценоза", т.е. связано в живую систему, поддерживающую себя в равновесии и постоянно обновляющуюся. Примерно так же осознают мир у Варламова и Тёзкин, и Голдовский. Это мироощущение иррационально, оно из ряда тех чувств, которые "умом не понять" и "аршином общим не измерить". Может, в этом и состоит "загадка русской души", ее притягательная сила, из-за которой Россию способен любить даже немец. "Я люблю ваша страна, – говорит Тёзкину Фолькер. У нее убили мой отец, но я люблю ее". И не случайно в конце романа в символическом сне Левы Голдовского, когда наступает Конец Света, "уходят в вечную жизнь" страны и материки, но еще долго "светится во тьме Россия", а затем сужается до "маленькой точки между Питером и Москвой" – деревни, где жил и умер Саня Тезкин, – но все же продолжает светиться.

В романе "Затонувший ковчег" (1997 г.) герой, которому автор явно симпатизирует, – Илья Петрович – в отличие от Тёзкина стремится рационально осмыслить путь России и склоняется к славянофильской идее, правда, особой: он считает, что судьба России коренным образом связана со старообрядчеством: "Мы должны соединить чистоту и строгость Бухáры (старообрядческого скита – О.С.) с лучшими достижениями человеческой мысли, мы должны примирить прогресс с верой, знание с моралью... Сделать это можем только мы, русские. Человеческая история зашла в тупик... Отсюда, из тайги, будет явлен новый свет". Другой герой романа, академик Рогов, видит в этом некоторое сектантство, и Илья Петрович, действительно, может стать фанатиком одной идеи, потому что по характеру он подвижник, готовый на все ради её осуществления. Здесь неизбежно встает вопрос, насколько этот герой выражает авторскую позицию. Прямо она не декларирована, но некоторые детали позволяют утверждать, что Илья Петрович если не во всем, то во многом является вырази-

телем авторских взглядов³. В эпилоге читатель видит, что Илье Петровичу действительно удается, правда, в ограниченном, полусемейном мире "соединить чистоту и строгость Бухáры с лучшими достижениями человеческой мысли". Вдали от гибнущего в разврате мира он воспитывает своих многочисленных детей в духе нравственной чистоты и в то же время передает им знание основ различных наук. Он отпускает их в мир духовно свободными и этически развитыми – в этом, наверное, и для автора, и для героя заключается идеал. Тёзкин в "Лохе" мечтал найти для своего ребенка такое место на земле, куда не доходили бы никакие отголоски политических дрязг. Возможно, в "Затонувшем ковчеге" реализуется этот мотив. Однако нужно признать, что его разработка мало реалистична, скорее, утопична. К тому же Илье Петровичу приходится в конечном итоге отпустить детей в "большой мир" с надеждой на то, что они своей духовной силой "победят и спасут" его.

Пройдя через многие испытания и искушения, Илья Петрович ни разу не приходит к мысли о том, чтобы покинуть Россию. Он убежден, что Россия, где "кризис проявился со всей отчетливостью", все равно призвана спасти мир, приняв на себя самый тяжелый удар. В словах Ильи Петровича, обращенных к детям, звучит убежденность в том, что нет смысла в жизни только для себя. Личность только тогда состоится, когда придет в мир и отдаст всю себя этому миру.

Если в "Рождении" отчетливо выражена мысль о самоценности индивидуального существования, то в "Лохе" и "Затонувшем ковчеге" герои приходят к идее единства со всеми людьми, с народом, с миром в целом, к тому, что человек не может существовать без этих духовных связей. Не случайно Бухáра, изолировавшая себя от внешнего мира, в конце концов просто исчезла с лица земли.

Но все концепции личности, развитые русской литературой в XX веке и все еще "мерцающие" в современном художественном сознании, пе-

ред лицом жестоких реалий нашего времени оборачиваются утопиями: и социалистический "проект", с его "гордым человеком", "переделывающим мир", терпит крах, и ценности "традиционных" обществ с их общинным, коллективистским, "соборным" сознанием перемалываются машиной глобализации, и либеральное общество "свободных индивидуальностей" оборачивается господством личностей отнюдь не "христоподобных", о которых мечтал автор "Доктора Живаго", а, скорее, звероподобных.

Литература и примечания

Александров Н. Диагноз – энтропия // Дружба народов. 1996. № 11.

Варламов А.Н. Затонувший ковчег: Повесть. Романы / Предисл.

В.Я.Курбатова – М.: Молодая гвардия, 2002

¹ Произведения А.Н.Варламова цитируются по изданию: Варламов А.Н. Затонувший ковчег: Повесть. Романы / Предисл. В.Я.Курбатова – М.: Молодая гвардия, 2002

² За этими словами – большая литературная традиция, и не только та, о которой говорилось здесь и в начале статьи. Можно вспомнить, к примеру, еще и М.Волошина:

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот...
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца Русь,
И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину
От своих могил не отрекусь.
Доконает голод или злоба,
Но судьбы не избери иной:
Умирать – так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

³ Не случайно именно ему отводится роль "спасателя" заблудших душ; именно ему суждено стать отцом и воспитать своих детей – а это для Варламова сквозная и очень важная тема, – именно он и погибает точно так же, как травница Евстолия, которую местные жители почитали за святую.